

УДК 321

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ

© 2015

Н.И. Андреева, магистрант кафедры «Гражданское право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В данной статье рассматриваются особенности заключения и расторжения брака в Древней Руси, регулируемые сначала древними обычаями и традициями, а затем, с принятием христианства, нормами церковного права. Проведён анализ основных правовых источников за период существования Древней Руси.

Ключевые слова: Древняя Русь, заключение брака, расторжение брака, обычаи и традиции, Крещение Руси, нормы византийского права.

Первые упоминания о брачной жизни восточных славян содержатся в древнерусском летописании. Летописец на данном этапе различал две разновидности семейных обычаев. Первый существовал у полян, у которых брак был невозможен без согласия родителей невесты, кроме того, она получала приданое. Второй существовал у большинства прочих восточнославянских племен – у древлян практиковалось похищение невесты у воды; у радимичей, вятичей и северян – похищение на игрищах и разнообразных религиозных празднествах. Однако указанные действия совершались с согласия девушек.

Следующей формой заключения брака у древних славян была покупка невест. На существование этой формы заключения брака указывают многочисленные народные свадебные песни и обряды, дошедшие до нас с древнейших времен. В свадебных песнях жених называется купцом, а невеста товаром.

Со временем куплю-продажу невест сменил договорной брак, в основе которого лежал договор между родственниками жениха и невесты, предметом которого могло быть принципиальное согласие сторон о заключении брака между их детьми, условия приведения невесты и сроки бракосочетания.

В случае достижения соглашения между родителями молодых совершалась помолвка. Отказ жениха от невесты после помолвки считался большим позором для неё. Поэтому в случае разрыва помолвки жених и его родители должны были возместить моральный ущерб, нанесенный невесте, и расходы на угощение. Эта норма обычного права была санкционирована государством и нашла свое отражение в ст. 35 Пространной редакции Церковного устава князя Ярослава.

Процесс покупки невесты уже в древние времена был достаточно сложным. Одним из его элементов был предварительный договор или запродажная сделка. В процедуре договора выделялись два этапа: сватовство и рукобитье – заключение сделки сторонами. Результатом сделки было установление величины выкупа и срока совершения брака. Форма совершения сделки обычно была словесная, символическая («рукобитье», «заручение», то есть связывание рук). В сумме, вносимой за невесту, различали действительную плату (вывод, или кладки), получаемую отцом невесты, и обрядовую – выкуп, получаемый братом невесты или ее подругами [1].

С принятием христианства в 988 г. на Руси были введены византийские нормы брачно-семейного права. Номоканон, дополненный актами русских князей, образовал Кормчую книгу – важнейший источник церковного и семейного права. Её положения были восприняты Русской Правдой, Псковской Судной грамотой 1467 г. и Судебником 1497 г.

Кормчая книга определяла брак как «...тайну от Христа Бога установленную, во умножение рода человеческого и в воспитание чад к славе Божьей в нерушимый союз любви и дружества и во взаимную помощь».

В практике утвердился церковный брак. Форма заключения была строго определена – это чин обручения и венчания. Брачный возраст для мужчин составлял 15 лет, для женщин – 12 лет [2]. Брак предварялся обруче-

нием, которое на языке обычного права называется сговор или своды. Это есть договор между сторонами о будущем совершении брака. Но взгляд церковного права и русского обычного права на обручение весьма различен: церковное право придавало обручению все более и более самостоятельное значение: между родственниками обрученных возникает свойство, препятствующее совершению брака; обручение признано нерасторжимым и получает религиозное освящение в особом порядке, между тем по обычному праву этот договор есть только имущественный; неисполнение его ведет к уплате неустойки – заряда; договор облекался уже с древних времен в формальную письменную сделку – рядную запись, совершаемую в Московском государстве крепостным порядком; по ней стороны имели право иска в суде. Выплата неустойки – заряда, хотя и освобождала от заключения брака, реально не всегда была возможна, поскольку имела слишком большой размер.

Участниками договора-обручения выступали родители брачующихся и совершались эти сделки задолго до совершения брака, возможно, даже в малолетстве обрученных. Брак без помолвки был не только наказуем, но и недействителен, женщина возвращалась в семью родителей, дети считались незаконнорожденными и не имели права на наследство их отца [3].

Основанием для признания брака недействительным церковь считала нарушение условий его заключения, а именно: отсутствие добровольного согласия сторон, наличие другого нерасторгнутого брака, недостижение одним из супругов брачного возраста, принадлежность к разной вере и национальности, близкое родство супругов. Данные основания не являлись исчерпывающими и могли изменяться в каждом конкретном случае. Во всех случаях осуждался и считался недействительным фиктивный брак, который заключался без намерения создать семью. К числу препятствий ко вступлению в брак относилось и наличие у будущих супругов родства не только по крови, но и по свойству, а также возможного родства в будущем [4].

Запрещалось заключать браки между близкими родственниками. Так, ограничения, налагаемые кровным родством, могли иметь весьма широкие границы – например, Эклога и Прохирон запрещали соединять браком не только двоюродных братьев и сестёр, но и детей их.

На отношения свойства также налагались широкие запреты: согласно постановлению Шестого Вселенского собора (691 г.) не должны были вступать в брак отец и сын с матерью и дочерью, отец и сын с двумя сестрами; собор 997 года запретил вступать в брак двум братьям с двумя двоюродными сестрами, дяде и племяннику с двумя сестрами, а также двум братьям с теткой и племянницей. Эти постановления основывались на известном правиле Василия Великого, который повелел при заключении брака смотреть на наименования родства и не допускать их смешения. Таким образом, к примеру, братья, вступившие в брак с двумя двоюродными сестрами, стали бы называться одновременно и братьями, и свояками; двоюродные сестры, вышедшие за них замуж, стали бы называться и двоюродными сестрами, и невест-

ками. Детей от такого союза можно было бы назвать и двоюродными братьями или сестрами (как рожденных от братьев), и внучатыми братьями или сестрами (как рожденных от двоюродных сестер). По мнению Собора, именно нелепое смешение имен в данном случае лучше всего доказывает незаконность брака.

Основываясь на таких рассуждениях, каноническое право выделяло пять видов родственных отношений, состоящие в которых могло являться – в зависимости от степени родства – препятствием к заключению брака:

- «от крове» – кровные родственники, браки среди которых воспрещались до 7-й степени включительно;

- «от двородных» – то есть круг родства, определяемый соединением в браке двух родовых коллективов – мужа и жены («двородные – исходящие от родства мужа и родства жены»). В этой группе запрещение на брачные связи распространялось до 7-й степени включительно, но существовали исключения для 6-й и 7-й степени родства;

- «от треродных» – помимо родственников обоих супругов в эту группу включались родственники жены брата жены. Браки воспрещались в первой степени;

- «от святого крещения» – браки между духовными родственниками воспрещались до 7-й степени включительно;

- «от усыновления» – отношения усыновления уподоблялись кровному родству, в связи с чем и в этой группе действовал тот же запрет на брачные связи до 7-й степени включительно [5].

В глазах христианской церкви брак в идеале должен был заключаться на всю жизнь, однако в исключительных случаях служители церкви, после предварительного церковного разбирательства, могли расторгнуть брачный союз. Роспуск означал развод супругов без решения церковного суда. Включенная в состав Устава князя Владимира Святославича норма о недопустимости самовольного развода не сопровождалась указанием санкции за данное деяние. Устав князя Ярослава восполняет этот пробел – ст. 17 Краткой редакции устанавливает штраф за самовольный развод: «Аже муж с женою по своей воли распуститься, епископу 12 гривен, а буде не венчалныи, епископу 6 гривен».

Ст. 53 Устава князя Ярослава Пространной редакции более определенно устанавливает принцип допустимости принудительного расторжения брака в случае определенных виновных деяний жены: недонесение мужу о заговоре, прелюбодеяние, покушение на жизнь или имущество супруга, общение с чужими людьми без разрешения мужа, посещение «игрищ».

При расторжении брака в течение XI–XV веков постепенно происходит замена принципа свободного волеизъявления сторон принципом принудительного разлучения супругов в строго определенных законом случаях [6].

Применявшиеся на Руси юридические сборники византийского происхождения предусматривали возможность расторжения брака вследствие заболевания одного из супругов проказой или сумасшествием. Но законодательство Древней Руси не считало болезнь поводом для расторжения брака. Так, Церковный устав князя Ярослава запрещал супругам покидать друг друга по причине нездоровья одного из них: «Аще будет жене лихыи недуг, или слепа, или долгая болезнь, про то ея не пустити. Тако же и жене нельзя пустити мужа». Вероятно, в русском законодательстве более отчетливо проявился взгляд на семью, в первую очередь как на духовный союз, создаваемый для взаимной поддержки супругов.

После принятия христианства на Руси сохранялась и языческая практика самовольного расторжения брака. О популярности подобных разводов в христианский период свидетельствует целый ряд источников. Так, по мнению А.В. Арциховского, в новгородской берестяной грамоте № 9 (письмо от женщины Гостяты к родствен-

нику Василию), датируемой XI в., речь идет именно о самовольном расторжении брака: «А ныне вода новую жену пустил же мя, а иную поял». В этот же период митрополит Иоанн в своих канонических ответах с возмущением писал о том, что «жены отметаються, и свое жены пуцають и прилепляются инемь».

Довольно часто причиной «самочинных» разводов на Руси являлись «несогласия», возникающие между мужем и родными жены. Например, волынский князь Ярослав Святополкович из-за конфликтов с Владимиром Мономахом хотел развестись со своей женой, внучкой Владимира. Силой оружия Мономаху удалось взять с Ярослава обещание жить с женой по закону, но через некоторое время Ярослав все же забыл о своей клятве и «жену свою от себя отослал».

Иногда инициатором развода в подобных конфликтных ситуациях мог быть и тесть. Так, борьба князя Мстислава Мстиславовича Удалого со своим зятем новгородским князем Ярославом Всеволодичем закончилась тем, что победивший Мстислав, «поя дочерь свою, а княгиню Ярославлю». И, несмотря на то, что «князь же Ярославь многажды сосылая молбою къ князю Мстиславу, прося княгини своєю къ собе», Мстислав Удалой «не пусти дочери своєю къ нему».

Существование практики самочинных разводов в древнерусском обществе вынуждало церковь мириться с ними, но только в том случае, если инициатором выступал муж. Наказывая виновников самовольного расторжения брака суровыми штрафами, духовенство все же не отрицало их законности, что доказывает ст. 4 Пространной редакции Церковного устава князя Ярослава, регламентирующая размеры штрафа за самовольный развод и компенсации, оставленной жене со стороны покинувшего ее мужа: «Аще же пустить боярин жену великих бояр, за сором еи 300 гривен, а митрополиту 5 гривен золота, а меньших бояр гривна золота, а митрополиту гривна золота; а нарочитых людий 2 рубля; простои чади 12 гривен, а митрополиту 12 гривен, а князь казнитъ». Если же с инициативой развода выступала жена, то церковь не признавала законности подобного «самочинного» разрыва супружества и сурово наказывала женщину пожизненным заключением в «церковном доме»: «Аже поидеть жена от своего мужа за иный муж или иметь блясти от мужа, ту жену поятии в дом церковныи...».

Невзирая на провозглашенное христианским учением равноправие мужчины и женщины в браке, церковь закрепляла право требовать соблюдения супружеской верности только за мужем. Даже само прелюбодеяние рассматривалось как плотская связь замужней женщины с посторонним мужчиной. Согласно Эклоге, муж уличенной в измене жены обязан был развестись с нею: «Если кто-либо вступил в связь с замужней женщиной, то и он и она подвергнутся отрезанию носа. После же отрезания носа совершившая прелюбодеяние возьмет свои вещи, которые она принесла к мужу (и ничего больше)».

Церковный устав князя Ярослава также признавал супружескую измену женщины достаточным поводом для развода. Статья 53 его Пространной редакции гласит: «Оже муж застанеть свою жену с любодеем или учинить на ню послухы и исправу, разлучити». Однако в отличие от византийского законодательства, развод в данном случае был лишь правом, а не обязанностью мужа. Только священники должны были развестись с женами, совершившими прелюбодеяние, иначе они теряли свой сан. «А оже от попа или от дьякона попадься сътворить прелюбы? – А поустивъ ю... държати свой санъ», – говорилось в канонических ответах новгородского епископа Нифонта. Совершение насилия над замужней женщиной не считалось прелюбодеянием и не служило ее мужу поводом для развода, о чем свидетельствуют канонические ответы митрополита Иоанна: «Нужею бывающая тли неповинни бывають».

Супружеская измена мужа не считалась поводом для

расторжения брака. Церковный устав князя Ярослава предусматривал за подобные преступления только наказания в виде штрафа в пользу церкви: «Аже муж оженится иною женою, а старюю не распустится, митрополиту вина, молодую понятии в дом церковны(и), а старюю житиин».

Достаточным поводом для развода Пространная редакция Церковного устава князя Ярослава считает посягательство жены на жизнь мужа или несообщение о готовящемся на него покушении: «Аще подумаетъ жена на своего мужа или зелием, или инеми людьми, или иметь что ведати мужа еа хотять убити, а мужу своему не скажетъ, а опосле объявится, и разлучити».

Посягательство мужа на жизнь своей супруги «Книги законные» также рассматривали в качестве повода для расторжения супружества. Правда, по мнению А.И. Загоровского, эта норма на Руси не действовала, так как вступала в противоречие с неограниченной властью главы семейства. Но, на наш взгляд, это утверждение верно только по отношению к языческому периоду, так как после принятия христианства церковь ограничила власть мужа над всеми домочадцами и в любом случае осуждала убийство. Поэтому после Крещения Руси посягательство мужа на жизнь своей супруги, скорее всего, являлось для последней достаточным поводом для расторжения брака.

Открытым остается вопрос о возможности развода из-за покушения жены на имущество своего мужа. Пространная редакция Церковного устава князя Ярослава содержит две противоречащие друг другу статьи. Статья 36 не считает такое деяние основанием для развода, предусматривая за него лишь денежный штраф, и возлагает на мужа обязанность наказать свою супругу: «Аще жена мужа крадетъ и обличити ю, митрополиту 3 гривны, а муж казнить ю, и про то не разлучити». А ст. 53 за совершение подобного деяния настаивает на разводе: «Оже жена на мужа наведеть тати, велеть покрасти, или сама покрадетъ... про то разлучити».

Можно согласиться с мнением Я.Н. Щапова, объясняющего появление этих двух взаимоисключающих статей в Уставе тем, что в период создания Пространной редакции Церковного устава князя Ярослава на Руси не было единых норм «распустного» (разводного) права, которые применялись бы на всей ее территории. Поэтому древнерусские (уже христианские) традиции и обычаи мирно сосуществовали с противоречивыми нормами переводных византийских памятников, и выбор тех или иных законов для правоприменения диктовался конкретными условиями, взглядами, знаниями местного иерарха или другого составителя правового свода, подобного уставу Ярослава.

Епископ Нифонт среди достаточных поводов для развода упоминает и добрачные долги мужа, не дававшие ему возможность достойно содержать супругу и приводившие семейство к нищете, а также его пристрастие к алкоголю, кражу имущества жены и проматывание его: «Долгъ много оу моужа застанеть, а порты ее грабити начнетъ, или пропиваетъ, или ино зло».

Обстоятельствами, приводящими к разводу, считались длительное безвестное отсутствие одного из супругов или пребывание его в плену. В «Законе градском» указывалось, что если один из супругов отсутствует в течение длительного времени, не подавая о себе никаких вестей, то по истечении пяти лет другой получает право вступить в повторный брак. И хотя срок ожидания возвращения супруга или получения от него известий (что в вопросе сохранения брака юридически было равноценно) законодательно определялся пятью годами, А.И. Загоровский настаивает на том, что и несоблюдение установленного законом срока ожидания не лишало развод законной силы.

Целый ряд поводов для развода связан с проблемами со здоровьем супругов. Так, одним из оснований для разрыва супружеского союза была неспособность мужа

к супружеской жизни. Расторгался подобный брак по усмотрению жены и ее родителей, не ранее чем через три года совместной жизни. Муж также мог требовать развода в случае бесплодия жены, так как основной целью брака в древнерусском обществе считалось рождение потомства, а отсутствие детей воспринималось как несчастье или порок.

Такой повод для развода, как пострижение одного из супругов в монашество, в древнерусском законодательстве не нашел своего отражения, тем не менее он был достаточно распространен. Например, князь Святослав Всеволодич не только отпустил свою жену Евдокию Давидовну в монастырь, но и «дал ей имение довольное». Встречалось и обоюдное желание супругов принять монашество. В 1197 г. оставил мирскую свету смоленский князь Давид Ростиславич. Вслед за ним приняла схиму и его супруга. Вариантом расторжения брака по причине принятия монашества одним из супругов являлось посвящение мужа в епископы. Согласно 48-му правилу Трулльского собора: «Жена производимаго в епископское достоинство, предварительно разлучася с мужем своим» [7].

Обычное право Древней и Московской Руси предусматривает целый ряд договоров, призванных урегулировать имущественные отношения будущих супругов (необходимо подчеркнуть, именно будущих супругов, так как подобные договоры заключались обычно до вступления в брак и, как и сам институт брака, носили пожизненный и нерасторжимый характер), а также других членов семьи, поскольку молодые, как правило, не жили самостоятельно, и с изменением состава семьи (обычно сразу же после церемонии) после сватовства заключались следующие договоры:

- договор о приданом, в котором указывалось, сколько и какого имущества вносят родители невесты в пользу ее новой семьи, определялась судьба приданого на случай смерти жены или мужа (тогда, как правило, свекор или деверь возвращали невестке ее платье и часть денег);
- сговор о кладке (или столовых деньгах) – так именовался взнос со стороны жениха;
- предбрачный договор о наследовании [8].

В период Московской Руси государство попыталось отказаться от византийского права как составной части системы права России. Это было связано с падением Византии в 1453 г. и появлением новых политических амбиций российских властей. Достаточно вспомнить теорию «Москва – третий Рим» времен Ивана III или церковную реформу в царствование Алексея Михайловича, во многом вызванную борьбой за византийское «наследство».

Нормы византийского права стали включаться в русские юридические своды. Так, с царствования Ивана Грозного началось формирование русских норм семейного права, которые были закреплены в решении Стоглавого собора 1551 г. и отчасти описаны в Домострое. Причем это не был отказ от византийских норм, воспринятых вместе с христианством, так как сохранился брачный возраст, многие условия вступления в брак, условия прекращения брака, но теперь они были включены в Стоглав [9].

Таким образом, на Руси после принятия христианства брачно-семейные отношения были отнесены к компетенции православной церкви и регулировались нормами церковного права. Ввиду подчиненности русской православной церкви византийской, византийское законодательство о браке и семье сыграло значительную роль в формировании важнейших правовых институтов в данной сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Омелянчук С.В. Формы и процедура заключения языческих браков в Киевской Руси // История государства и права. 2007. № 8. С. 14–16.
2. Палькина Т.Н. История регулирования и развития

личных неимущественных отношений в семейном праве РФ // Семейное и жилищное право. 2009. № 5. С. 12–15.

3. Косарева И.А. Правовое значение действий, предшествующих бракосочетанию (нужен ли в России институт помолвки или следует возродить обручение // Семейное и жилищное право. 2007. № 3. С. 20–24.

4. Медведев В.Г. Условия и порядок заключения брака по русскому семейному праву (XIII – XV вв.) // История государства и права. 2009. № 21. С. 6–9.

5. Оспенников Ю.В. Родственные отношения в Древнерусском брачном праве // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. Сер. «Юриспруденция». 2004. Вып. 39. С. 252–262.

6. Оспенников Ю.В. Принуждение в Древнерусском

брачном праве // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. Сер. «Юриспруденция». 2003. Вып. 34. С. 188–194.

7. Омелянчук С.В. Расторжение христианского брака в Древней Руси // История государства и права. 2011. № 1. С. 13–17.

8. Левушкин А.Н. Брачный договор в Российской Федерации, других государствах – участниках Содружества Независимых Государств и Балтии : учебно-практическое пособие. М.: Юстицинформ, 2012. 103 с.

9. Дорская А.А. Эволюция места канонического (церковного) права в системе права России // Юриспруденция. 2010. № 2. С. 37–43.

THE HISTORY OF MARRIAGE AND FAMILY RELATIONS OF THE ANCIENT RUSSIA

© 2015

N.I. Andreeva, undergraduate of the Department «Civil Law and Procedure»
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: This article considers the features of marriage and divorce in ancient Russia, adjustable first ancient customs and traditions, and then, with the adoption of Christianity, the norms of canon law. It contains the analysis of the principal legal sources for the period of ancient Russia.

Keywords: Ancient Russia, marriage, divorce, customs and traditions, Epiphany of Russia, the Byzantine rules of law.

УДК 342

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ (УСТАВНЫЕ) СУДЫ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

© 2015

О.А. Воробьева, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право»

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В статье рассмотрены понятие, цели деятельности, задачи и функции Конституционного суда России, полномочия конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: судебная власть, Конституционный суд Российской Федерации, конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации.

Судебная власть в России – это особая форма деятельности государства, осуществляющая свои властные полномочия специально созданными государственными органами – судами, в строго установленной законом процессуальной форме в сфере защиты конституционного строя, прав и законных интересов человека и гражданина, государственных органов, предприятий, учреждений, организаций и иных объединений.

Судебная власть как одна из ветвей государственной власти не сводится лишь к рассмотрению конкретных дел. В контексте известной системы сдержек и противовесов судебную власть характеризует не только правосудие (в традиционном, узком смысле слова), но и возможность оказывать влияние на решения и действия законодательной, исполнительной властей и тем самым уравновешивать их [1, с. 23].

Провозглашенное в ст. 2 Федерального конституционного закона «О Судебной системе Российской Федерации» единство судебной системы носит декларативный характер. Как отмечают С.В. Бородин и В.Н. Кудрявцев, «...составители проекта Конституции Российской Федерации 1993 г. находились под влиянием прежней практики разобщения судебной системы ... в действительности в России три самостоятельные, не связанные между собой судебные системы: 1) Конституционный суд РФ и конституционные (уставные) суды субъектов Федерации; 2) Верховный суд РФ с системой нижестоящих судов общей юрисдикции; 3) Высший арбитражный суд с системой нижестоящих арбитражных судов...» [2, с. 22].

Согласно Конституции Российской Федерации (ст. 10, ч. 1 ст. 11, ст. 18, ст. 118 и 125) в системе разделе-

ния государственной власти конституционное судопроизводство наряду с другими видами судопроизводства является средством (способом) осуществления судебной власти, реализуемой Конституционным Судом как органом правосудия посредством разрешения отнесенных к его ведению дел в целях обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Именно эти конституционные предписания, непосредственно определяющие статусные и компетенционные характеристики Конституционного Суда в системе органов судебной власти и способа реализации им своих полномочий, должны быть отправной точкой при выявлении правовой природы конституционного судопроизводства в Российской Федерации. Иное может привести к преувеличению значения специфики конституционного судопроизводства, в частности, из-за некорректного сопоставления его с производством по оценке конституционности нормативных актов в некоторых странах, где органы конституционного нормоконтроля не входят в судебную систему, и к ошибочному, на наш взгляд, выводу, что отнесение российского конституционного судопроизводства к одному из способов осуществления судебной власти не согласуется с особой правовой природой нормоконтроля [3].

Принятие Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» стало важным шагом в развитии конституционного правосудия в России; в нем сформирована модель конституционного судопроизводства, в полной мере отвечающая классическим образцам конституционного правосудия, функционирующего в государствах с устоявшейся демократией. В статье 1 указанного Закона Конституционный Суд РФ